

Иван БЕЛЯЕВ

ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Иван Дмитриевич Беляев

История Пскова и Псковской земли

Серия «Неведомая Русь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27351398
История Пскова и Псковской земли: Вече; 1872
ISBN 978-5-4444-9137-9

Аннотация

Псков – один из древнейших городов России – впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 903 годом. С конца IX и до XII века он, как составная часть обширных новгородских земель, входил в состав Древнерусского государства – Киевской Руси. Когда же распри и междоусобицы князей расчленили наследие святой княгини Ольги и Владимира Крестителя на множество «суверенных» земель, Псков отходит под юрисдикцию Великого Новгорода. При этом он остается достаточно самостоятельным городом, с которым, как ни с каким другим, считалось новгородское вече при решении важнейших вопросов. Реальная самостоятельность псковского веча проявилась уже в 1137 году, когда псковичи призвали на княжение изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Этим политическим шагом псковичи открыто

бросили вызов своему «старшему брату». В 1348–1510 годах Псков был столицей независимой Псковской вечевой республики. К началу XVI века город фактически утратил свою суверенность, а в 1510 году был присоединён к Великому княжеству Московскому. Книга известного русского историка Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873) расскажет о домосковском периоде Пскова и Псковской земли.

Содержание

Рассказ первый. Страна	6
Историческое значение Псковской земли	6
Виды владений	9
Псков – город и его части	10
Концы	14
Торговище	17
Улицы	18
Лавицы	19
Псковская земля	20
Значение пригородов	24
Губы	29
Волость	31
Рассказ второй. Люди в Псковской земле	33
Общий взгляд на псковское общество	33
Бояре	36
Купцы	48
Черные люди	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

И. Д. Беляев
История Пскова и
псковской земли

© «Издательство «Вече», 2016

* * *

Рассказ первый. Страна

Историческое значение Псковской земли

Псков – родина великой княгини Ольги, супруги Рюрика – сына Игоря, был одним из древнейших пригородов Новгорода Великого. Страна, где построен Псков, лежала на меже новгородских владений с землями чуди и летголы. Когда, собственно, был построен Псков, на это мы не имеем свидетельств; но что он был уже при первых варяго-русских князьях, на это прямо указывает наш древнейший летописец Нестор; он, говоря о браке Игоря Рюриковича, пишет: «и приведоша ему жену от Плескова, именем Ольгу». И конечно, не при Рюрике же был построен Псков, иначе бы летописец упомянул о его построении; да и нельзя предположить, чтобы новгородцы окраину своих владений, соседнюю с землями немирных чуди и летголы, оставили без надежного укрепления; такой оплошности опытные в колонизации новгородцы не любили делать и никогда не оставляли своих колоний без опорного пункта, под защиту которого колонисты могли бы укрываться в случае нужды. По всему вероятно, первоначальное построение Пскова должно отнести

к тому доисторическому времени, когда новгородцы подчинили себе племя Нарову и стали выдвигать свои колонии в земли чуди и летголы. Построение укрепленного города, и построение именно раннее, здесь тем более было необходимо, что соседние племена летголы, ливи и особенно чуди вообще не отличались мирным и уступчивым характером, а были известны жестокостью и воинственностью; так что к берегам чуди, известной у западных народов под именем эстов, побаивались приставать даже и такие морские волки, какими в то время были норманны или варяги. Это построение города на земле только что подчиненного племени и на меже с племенами не мирными и не уступчивыми, а напротив, с характером ежели не завоевательным, то грабительским или любящими пожить на счет соседей дало Пскову особенное значение и надолго определило его исторический характер как сторожевого бойца, постоянно обязанного отражать первые удары врагов. Новгород смотрел на Псков именно как на стража, оберегателя юго-западной окраины новгородских владений и с этой точки зрения определял свое отношение к нему. Точно так же и Псков понимал свое историческое значение и, по мере сил выполняя это назначение, мало-помалу так устроил всю свою страну, что она представляла собой более или менее передовую оборонительную линию, вытянутую именно по границе с немирными соседями. Чтобы убедиться в этом, стоит только взглянуть на древнюю карту Псковской земли: вытянувшись с юга на север по реке Вели-

кой и по восточным берегам Псковского и Чудского озер, она мало углублялась на запад и восток и главным образом представляла собой неправильный ряд укреплений, преимущественно расположенных на западной и юго-западной окраинах, примыкавших к землям чуди, летголы и литвы, эти укрепления постоянно распространялись и поддерживались в продолжение всей истории Пскова.

Виды владений

Псков, как пригород Новгорода Великого, имел те же виды владений, как и Новгород; но характер этих видов по местным обстоятельствам был не совсем одинаков с характером владений новгородских. Виды псковских владений были следующие: первый вид – сам Псков как древнейшая новгородская колония в здешнем краю, первый опорный пункт здешних новгородских поселений, гнездо здешней славянской; второй вид – Псковская земля, или земля Святыя Троицы, где были построены древнейшие псковские пригороды, занятые сплошным псковским или славянским населением, где уже были вытеснены иноплеменники и где слышалась одна славянская речь; третий вид владений составляли колоши, или волости псковские в чужой земле, это псковские города и укрепленные селения, рассыпанные в землях летголы и чуди, по всему вероятно незначительные и поддерживаемые, собственно, для того, чтобы иметь влияние на соседей, вести с ними торговлю и при случае собирать с них дань.

Псков – город и его части

Псков как город составляли следующие части: Детинец, Кром, Город, Полонище, Запсковье и Завеличье. Самое древнее поселение во Пскове, гнездо Пскова, был Детинец, лежавший в углу, образуемом реками Великой и Псковой, и недалеко от Псковского озера, соединенного с Чудским озером, или Пейпусом, он стоял, собственно, на берегу реки Великой, на высоком холме, и был первой крепостью, построенной новгородцами в земле племени нарочы; в XIII столетии он был уже обнесен толстою плитною стеною, построенною знаменитым псковским князем Довмонтом. В Детинце находилась главная соборная во Пскове церковь Св. Троицы, имевшая для псковичей то же значение народной святыни, какое для Новгорода имела церковь Св. Софии; но по историческим обстоятельствам Пскова церковь Св. Троицы носила на себе несколько иной характер, чем новгородская церковь Св. Софии, в ней главное управление было не столько в ведении духовенства, сколько в руках мирских людей, старост, выбираемых городом и состоявших в зависимости от народного веча.

При церкви Св. Троицы имелась особая палата, или притвор с городским ларем, в который вносились на хранение как государственные законы, так все частные договоры, сделки и крепости, для записки которых велись в Тро-

ицкой палате особые книги, состоявшие в ведении мирских людей – ларечных старост, избираемых на это вечем. Печать Святые Троицы была собственно государственною печатью и заменяла собою в случае нужды княжью печать, как это прямо свидетельствует судная псковская грамота, в которой сказано: «А не запечатает князь, ино у святей Троицы запечатать, в том измены нет».

За Детинцем, между Псковой и Великой, следовал Кром, главный город, где хранились все хлебные и другие общественные запасы и казна, где собиралось народное вече, где жил псковский князь или его наместник, и где была главная торговая площадь с торговыми дворами и лавками. Вече собиралось собственно под стеною детинца, у подножия Довмонтовой башни, близ церкви Св. Троицы, где висел вечевой колокол и где устроены были особые степени для заседаний веча; по крайней мере, по свидетельству летописей, здесь было обычное место веча с конца XIII века. Кром, или Крем, вскоре после Детинца также был обведен каменною или плитяною стеною, от реки Псковы до реки Великой.

За Кромом следовал собственно город, где находились более древние концы и улицы. Этот город в 1309 году был укреплен плитяною стеною от церкви Свв. апостолов Петра и Павла до реки Великой, построенною посадником Борисом. За рекою Великою, против Детинца и Крома, лежал посад Завеличье, где стоял немецкий торговый двор и где производилась главная торговля с западными иноземцами. За-

величье в Пскове до некоторой степени напоминало Варяжскую или Варьскую улицу в Новгороде, где по берегу Волхова лежали иноземные пристани. Против Крома и Города, на левом берегу Псковы, лежал посад Запсковье; а на восток и юг по реке Пскове, на правом берегу, вплоть до реки Великой, – посад Полонище.

Таким образом из шести частей Пскова четыре: Детинец, Кром, Город и Полонище – лежали в углу, образуемом реками Псковой и Великой, в месте, самой природой защищаемом означенными реками от нападения врагов с запада и юга, откуда преимущественно и должно было ждать нападений; остальные же две части находились в заречье – на левом берегу Великой – Завеличье и на левом берегу Псковы – Запсковье. Сии две части Пскова долгое время оставались без укреплений и обыкновенно при нападении неприятелей, в случае нужды, сожигались самими псковичами. Но зато Кром, Детинец и Город как боевые пункты, удобные для защиты, постоянно укреплялись каменными стенами, которые время от времени подновлялись и увеличивались. Так, мы уже видели, что вокруг Детинца была устроена толстая плитяная стена, возведенная еще князем Довмонтом; потом вскоре были укреплены такими же стенами Кром и Город. Далее, в 1373 году, псковичи поставили четвертую плитяную стену от Псковы до Великой, которая служила общею обороною для Детинца, Крома и Города. Эта стена была проведена неподалеку от старой стены. В 1394 году выстроена новая

стена около Крома; в 1399 году псковичи соорудили новую стену к старой стене, на приступе от реки Великой до Псковы, и по этой стене поставили три костра или башни; в 1401 году заложили новую стену к старой стене, каменную подле реки Великой; в 1404 году такая же стена была выведена по берегу Псковы, подле старой стены, толще и выше. В 1452 году была построена новая стена на городе на Кромку от великих ворот возле входа до малых ворот; и в той же стене уложено пять погребов, или подземных ходов; в 1458 году ту же стену надделали выше. В 1465 году посажане Запсковья сами на свой счет заложили деревянную стену около всего Запсковья, от реки Великой до Псковы. Эта постоянная забота об укреплениях и самый выбор местности для построения города лучше и нагляднее всего указывают на боевое значение Пскова как передового поста на окраине, соседней с немирными племенами, и резко отличает характер Пскова от Новгорода Великого, который сравнительно со Псковом почти не заботился о своих городских укреплениях и по своему положению долгое время не нуждался в них.

Концы

Псков, разделенный на шесть частей, представлявших как бы отдельные города, выстроенные в разное время и, как слои, указывающие на постепенное распространение и усиление целого города, в то же время делился, подобно Новгороду, в административном отношении на концы и улицы. По летописям, в 1454 году во Пскове считалось шесть концов, носивших следующие названия: Богоявленский конец в Запсковье, Опоцкий конец в Полонище, Торговский и Боловинский концы в Крому, Городецкий конец, вероятно, в городе и шестой конец Острые Лавицы. Концы в Пскове, так же как и в Новгороде, составляли свои отдельные общины, из союза которых состоял Псков; они имели свое управление, своих выборных старост; жители их состояли из бояр, купцов и черных людей, которые все, подобно новгородцам, принимали деятельное участие в делах всей Псковской земли. От имени концов и всего Пскова заключались договоры с соседними государями, и от концов посылались бояре на съезды: так, в 1471 году для переговоров с королем Литовским на съезд на Березничи были отправлены четыре посадника и бояре от всех концов; или в 1473 году для переговоров с магистром Ливонским Псков отправил трех старых посадников и бояр от концов. Но значение концов во Пскове было не совсем одинаково с их значением в Новгороде;

ибо у псковичей между концами были разделены все псковские владения, так что каждому концу причислялись те или другие пригороды Псковской земли, чего в Новгороде вовсе не было. В Псковской летописи под 1468 годом прямо сказано: «Тою же весною Псков поделил по два пригорода на все концы; к каждому концу к старым пригородам новые жеребьем делили, а брал жеребьи князь Василий, князя Федора Юрьевича сын с престола». Псковские концы во время военных походов отряжали от себя особых воевод, которые предводительствовали как кончанскую ратью, так и ратью тех пригородов, которые подчинены концу; так, под 1478 годом при походе псковичей на Новгород, «в помощь великому князю Московскому, сказано: в псковской же рати были отряжены воеводы, семь посадников и иные сынове посадничьи, и бояре и дети боярские многие у псковской рати воеводами из концов отряжены». Концы как самостоятельные общины, управлявшие не только улицами во Пскове, которые им принадлежали, но и определенными пригородами в Псковской земле, имели каждый свое особенное хозяйство и сборную казну, на которую каждый конец по мере надобности воздвигал общественные здания, и из которых делал другие затраты по своим общественным нуждам. Так, в 1466 году, по случаю мора во Пскове каждый конец построил по скудельнице для погребения своих умерших; или в 1471 году для построения новой стены на Полонище все концы делали раскладку или разрубы отдельно, каждый конец на свою до-

лю стены. Каждый конец даже имел свои склады оружия на защиту города, свои пушки и свои погреба с порохом; так, под 1507 годом читаем в летописи, «что во время пожара в Запсковьи зелий пушечных (пороха) сгорела бочка, занеже ту зелия всего конца стояли».

Торговище

Торговище, или торговые ряды, устроенные в Крому, и со всею торговою площадью составляли особый конец, носивший название торговского и представлявший отдельное ведомство, которое управлялось самостоятельно и независимо и имело своих купеческих старост, по каждому ряду своих. Так, по крайней мере, можно заключить из летописного известия под 1510 годом, в котором сказано, что псковичи послали к великому князю Василию Ивановичу в Новгород девять посадников и купеческих старост от всех рядов.

Улицы

Кроме концов Псков еще делился на улицы; сколько было улиц во Пскове и какие из них были главные, по летописям и по другим памятникам определить в настоящее время мы не можем. Но то несомненно, что в Пскове улицы составляли особые общины с своим местным управлением и старостами, точно таким же порядком, как это было в Новгороде; члены улиц, т. е. домохозяева, у псковичей назывались суседами и имели общие дела целой улицы; так, в летописи под 1433 годом сказано: Петровские суседи, т. е. уличане Петровской улицы, разбили старый костерь (башню) и выстроили из камня церковь Бориса и Глеба: или в 1486 году Запсковские суседи (Богоявленский конец) строили одну треть стены, а Козьмодемьянские суседи – две трети стены. Как в Новгороде каждая улица имела свою общину, или место для управы и суда между уличанами, где хранились и общественная казна улицы, и разные книги и списки уличанам; так точно и во Пскове каждая улица имела свое место суда и управы, где заседали при рассуждении об общественных делах уличане с своим старостою.

Лавицы

Эти места уличанской управы во Пскове, кажется, назывались лавицами, как и всякое место управления и суда, о чем намекает следующее известие Псковской летописи, помещенное под 1504 г.: «А легла та грамота митрополича пред посадники псковскими и священники у лавицы». По летописям упоминаются следующие лавицы: в Запсковье Жабья лавица и Жирковская лавица; в Боловинском конце Боловинская лавица, Боркова лавица; Куклина лавица, в Опоцком конце, Ропатая лавица; в Острые лавицы конце Острая лавица. Впрочем относительно значения лавиц во Пскове нельзя сказать с полной достоверностью; ибо по некоторым указаниям летописей можно думать, что лавицами назывались особые улицы: так, под 1493 годом читаем в летописи: «Того же лета церковь каменну свершиша святого Георгия на болоте, в Острой лавицы». Вообще значение лавицы во Пскове по известным в настоящее время памятникам довольно неясно и неопределенно.

Псковская земля

За городом Псковом следовала Псковская земля, или земля Святыя Троицы, т. е. владения Пскова, находившиеся в полной власти Псковского веча и преимущественно населенные псковичами. Псковская земля прямо от Пскова по течению реки Великой шла на север по восточному берегу Псковского и Чудского озер, может быть, до впадения реки Плюсы в Нарову. На востоке Псковская земля граничила с Новгородской землей, и рубеж ее лежал по течению рек Плюсы и Лютой на Дубровну и с Дубровны несколько к западу на реку Череху, постепенно склоняясь к реке Великой, захватывая восточные притоки этой реки и оканчиваясь у Опочки, крайнего южного пригорода Псковской земли. С Опочки рубеж Псковской земли поворачивал на запад и сходился у Вышегородка с Полотскою и Литовской землей, а далее шел по восточной границе ливонских владений до западного берега Псковского озера, южная половина которого принадлежала псковичам, западная граница была в постоянном споре у псковичей сперва с летголою и чудью, а потом с ливонскими немцами, а посему то выдвигалась далее на запад, то отодвигалась назад к востоку, смотря по тому, усиливались ли или ослабевали в этом краю псковичи. Самое густое население Псковской земли шло по течению реки Великой почти от верховьев ее до устья. На этой реке,

кроме самого Пскова, стояли лучшие псковские пригороды: Опочка, Вороначь и Остров. Все это пространство вполне принадлежало Пскову, заселено было псковичами и тянуло своими интересами и всей своею жизнью ко Пскову; здесь псковское вече было полным и постоянным хозяином, или, иначе сказать, все это пространство составляло одно неразрывное целое со Псковом, и в разное время было застроено псковскими пригородами, которые преимущественно были расположены по реке Великой, а именно по левому или западному ее берегу, как более нуждавшемуся в укреплениях. По реке Великой стояли восемь псковских пригородов; из них самый южный, почти в верховьях Великой, был Опочка в 120 верстах от Пскова; за Опочкою, вниз по реке Великой, Вороначь; за Вороначем на север следовал Дубок; далее за Дубком на повороте реки Великой к западу – Остров, упоминаемый в летописях еще в XIV столетии и выдержавший несколько осад от немцев и литовцев; на север за Островом на реке же Великой стоял город Котельно, и наконец за Псковом на север почти при впадении реки Великой в Псковское озеро был построен псковичами пригород Володимерец. В этом же краю неподалеку от реки Великой на ее притоках были построены города; Врев около Воронача и Кошкин городок в углу, образуемом реками Великой и Черехой. По южной границе, ближе к литовско-полотскому рубежу, стояли псковские пригороды: Вышгородок на реке Ладе, впадающей в реку Великую с левой стороны; Коложе,

кажется на реке Лже, тоже притоке Великой; Красный городок во 100 верстах от Пскова, на реке Синеи, тоже впадающей в реку Великую с левой стороны; Заволочье при верховьях реки Великой в 200 верстах от Пскова; Ржев неподалеку от Себежского озера. На западной границе по рубежу с ливонскими немцами, летголою и чудью древнейшим пригородом Пскова был Изборск, упоминаемый еще в IX столетии при приглашении Рюрика в Новгород; он лежал на юго-западе в 30 верстах от Пскова на Славянских ключах и считался главным оплотом Псковской земли в этом крае, был укреплен плитяной стеной и большей частью удачно выдерживал многочисленные осады немцев. За Изборском в этом краю следовал пригород Велья, несколько на север от Изборска; этот пригород в первый раз упоминается в XIV столетии; он также считался передовым бойцом Псковской земли против ливонских немцев и, будучи хорошо укреплен, удачно выдерживал неприятельские осады. Далее, на западном берегу Псковского озера на самых границах с ливонцами, на урочище Желачка, долго бывшем в споре между ливонскими немцами и псковичами, псковичи в 1462 году выстроили Новый Городец; в этом же краю неподалеку от Псковского озера налево от устья реки Великой стоял ближайший к Пскову пригород Лагозовицы, весьма важный для защиты рыболовства на Псковском озере и посему часто подвергавшийся нападению ливонских немцев. На самом севере Псковской земли у восточных берегов Чудского озера, вероятно для обороны

от чуди и немцев со стороны Наровы реки, стояли два псковских пригорода: Гдов, самый дальний на север в 120 верстах от Пскова, и ближе к Пскову в той же стороне – Озолица; и наконец – там же на рубеже с новгородскими владениями, Кобылей. Впрочем не было времени, когда бы все псковские пригороды были налицо в полном составе, а напротив, пограничные города, подвергаясь частым нападениям неприятелей, то разорялись и приходили в запустение и на их место устраивались новые города, то опять возобновлялись старые; так что никогда Псков не имел более двенадцати пригородов в одно время; а при падении Пскова было только одиннадцать пригородов и одно городище.

Значение пригородов

Во Пскове пригороды далеко не имели того значения, каким они пользовались в Новгороде. Псков смотрел на них не как на младшие Псковы и поэтому держал их в полной зависимости от псковского веча, и хотя они по устройству своему уподоблялись Пскову, но далеко не пользовались тою самостоятельностью, какую пользовались пригороды новгородские. Псков, по преимуществу придерживавшийся демократических начал и заботившийся не допускать, чтобы кто усилился перед псковским вечем в Псковской земле, зорко смотрел за своими пригородами и строго преследовал тех, которые бы решились что-либо сделать самовольно. А посему пригороды в Псковской земле большей частью имели только значение крепостей, как на это довольно ясно указывает самое размещение псковских пригородов преимущественно по западной и южной границам, бывшим во все продолжение псковской истории небезопасными от неприятельских нападений. Кроме того, пригородам во Пскове принадлежало значение административных центров для управления приписанными к ним волостями; но это значение было второстепенное и не необходимое, ибо во Пскове волости могли управляться и на деле управлялись нередко сами собой и прямо относились к псковскому вечу или посадникам без посредства пригородов, как это указывают многочислен-

ные волости на восток от реки Великой, где почти не было пригородов, как в краю соседнем с Новгородской землей и, следовательно, безопасном от неприятельских нашествий.

Самое управление в пригородах всегда было подчинено строгому контролю псковского веча, которое даже судебные приговоры в пригородах нередко подвергало новому пересмотру и решению. Пригороды во всех сколько-нибудь значительных делах суда и управы должны были просить разрешения во Пскове, в противном случае подвергались гневу Псковского веча и тяжелому штрафу; так, в 1477 году Псков опалился (разгневался) и продал Опочан (наложил штраф на Опочку) и взял сто рублей за то, что они повесили коневого татя, а без псковского повеления. Нет ни одного указания в летописях, из которого бы можно заключить, что представители пригородов приглашались на псковское вече для общих рассуждений, как это иногда бывало в Новгороде; напротив того, все летописные известия указывают на одно — что пригороды были только беспрекословными исполнителями приговоров псковского веча. Так, во время войны пригороды выставляли своих воинских людей по участкам, которые определялись псковским вечем, — по сколько человек ратных людей нарядить с пригорода, и таковые ратные люди назывались рубленые ратные люди, т. е. наряженные по рубку, по раскладке, сделанной псковским вечем. Например, под 1463 годом летопись говорит: «И совокупишася псковичи с пригорожаны пошли к Немецкому городку; а иная

псковская сила, нерубленные люди, охочий человек, в то же время ходили за Изборск воевать Немецкую волость». Или: в 1480 году при нападении немцев на Псков пригороды по псковскому повелению явились с своими ратями по раскладке и стояли на бродах по реке Великой, не пропуская немцев чрез реку. Или: в 1498 году по псковскому повелению пригороды съехались со всей ратной приправой на реку Плюсу к Ивангороду на съезд с немцами затем только, чтобы удобнее вести переговоры о мире. В летописях нет ни одного известия, чтобы какой-либо пригород ослушался псковского повеленья или начал отговариваться и уклоняться от исполнения приказа псковского веча.

Пригороды по распоряжению псковского веча должны были принимать не только посадников, присылаемых из Пскова, но и княжих наместников, воевод и других начальников; и в этом отношении пригороды разделялись на два разряда: в одни посылались княжие наместники, а в другие не посылались. Кроме того, как мы уже частью видели, пригороды делились по жребью между концами Пскова, так что каждому концу подчинялся тот или другой пригород. Этот раздел по жеребью прямо показывает, что распределение пригородов по концам было чисто административное, а не бытовое или жизненное; сам по себе пригород не имел никакой связи с концом; он не был колонией конца, а приписывался к концу только по определению общего псковского веча, которое руководилось не интересами пригородов, а чи-

сто административными соображением крепче связать каждый пригород двойным подчинением и вечу конца, и общему вечу целого Пскова.

Псковские пригороды вовсе не были младшими братьями или детьми Пскова и устраивались не столько с целью мирной колонизации края, сколько из видов обороны Псковской земли от нападения немирных соседей. Это лучше всего свидетельствуется самым построением пригородов: пригороды во Пскове обыкновенно строились или самим Псковом, по военным соображениям, преимущественно взамен старого какого-либо пригорода, уничтоженного неприятелем или самими жителями того края, где строился пригород, по их просьбе и на их счет, только с разрешения псковского веча, а также с целью обороны от врагов, как опорный пункт, куда бы жители могли укрываться при неприятельском нашествии. Так, в 1476 году, по свидетельству летописи: «Приехали слобожане из Кокшинской волости, и стали бить челом князю Ярославу и посадникам псковским и всему Пскову, (т. е. вечу), чтобы их пожаловали, освободили им на городци у речки у Лоде город ставити: и Псков на вече освободил и грамоту дал, что им сими часы запасы всякие запасая, на том месте класть, где быть городу, а дана грамота Марта в 10 день, в неделю». И в том же году на лето послали псковичи двух посадников и бояр своих из всех концов окладати города городча у речки у Лоде в Кошкинской волости. Таким образом, псковские пригороды собственно были, как

первоначально и сам Псков, только крепостями, защищавшими русскую цивилизацию от напора иноземцев, враждебно относившихся к занятию края русскими. Даже незаметно, чтобы псковские пригороды процветали торговлей или другими какими промыслами, как это мы встречаем в иных новгородских пригородах. Хотя нет сомнения, что Псковская земля относительно промышленной и торговой предприимчивости не уступала Новгородской; но торговля и все промыслы в Псковской земле производились самими жителями волостей и губ без посредства пригородов. Таковому порядку, между прочим, много способствовало самое расположение селений в Псковской земле, преимущественно по рекам, которые самой природой все соединялись с рекой Великой, а Великая шла прямо в Псков и туда же тянула всю Псковскую землю с ее произведениями, и, таким образом, торговля всей Псковской земли сосредоточивалась в самом Пскове и почти не нуждалась в местных центрах, а с тем вместе, естественно, пригороды почти не имели никакого торгового значения.

Губы

Губы во Пскове значили то же, что присуды в Новгороде, к ним тянули судом и управою приписанные к ним волости и селения. Губами заведывали губские старосты, которые избирались местным населением из своей же среды. О начале губ в Псковской земле мы не имеем никаких определенных данных; но едва ли не должно признать, что губы первоначально образовались из древних округов по уголовным делам, известных по Русской Правде под именем вервей или вервин; следовательно, губы первоначально были учреждением бытовым, относящимся только до разбора дел по убийствам и разбоям; впоследствии же во Пскове администрация воспользовалась сим бытовым учреждением и образовала из него местный суд по всем делам и гражданским, и уголовным, и даже по делам местной управы. Во Пскове образование и развитие губ с таким значением тем более было необходимо, что пригороды с характером военных крепостей не совсем удовлетворяли потребностям местного суда и управления. К тому же псковское вече не любило давать пригородам полную власть над окружающей их страной, а напротив, старалось, чтобы власть везде была не единичная. Притом же громадная, сравнительно, доля псковских владений – весь край на восток от реки Великой до границ Новгородской земли – почти не имела пригородов, а между тем

тамошние волости были хорошо населены и, конечно, нуждались в местном суде и управе; и для этих волостей губы были единственными судебными и административными центрами. Здесь губы в административном отношении заменяли собою недостаток городов и сообщали всему краю сплошной сельский характер, не замечаемый в других краях тогдашней Русской земли.

Волость

Волость во Пскове значила то же, что погост в Новгороде, и состояла из нескольких сел и деревень, которые непосредственно управлялись выборными волостными старостами. Как погост в Новгороде, так точно и волость во Пскове были первоначально бытовой формой псковских поселений; волость в Псковской земле значила то же, что улица в самом городе Пскове, т. е. бытовую единицу, общину: ибо во Пскове, так же как и в Новгороде, деревни и селения были очень малы для того, чтобы составлять самим собою сколько-нибудь самостоятельное целое, и посему спешили примыкать к какому-нибудь ближайшему центру, составить общину; и этой общиной у псковичей была волость, а у новгородцев — погост. Но псковская волость, означавшая то же, что новгородский погост, с тем вместе имела и высшее значение и пользовалась большей самостоятельностью. У псковичей волости, как уже было замечено выше, большей частью зависели прямо от псковского веча без посредства пригородов и даже по своим соображениям сами, с разрешения псковского веча, строили на своей земле пригороды; тогда как Новгородские погосты селились на земле, подчиненной пригородам, и посему зависели от своих пригородов, а не прямо от новгородского веча. Вообще псковское вече более было расположено в пользу волостей, не могших представлять серьез-

ного сопротивления приговорам веча, нежели городов, которые имели более возможности к сопротивлению, как центры более сильные и сосредоточенные.

Псковские волости, подобно новгородским погостам, состояли из сел и деревень разных разрядов по праву владения землею. В одной и той же волости были деревни черные, принадлежавшие общинам и не составлявшие ничьей личной собственности, и деревни владельческие, земля которых составляла частную собственность или монастырей и церквей, или бояр и купцов, или принадлежала какой-либо улице или концу в городе. Но различие сел и деревень, по праву владения землей, не полагало никакого различия относительно суда и управы; суд и управа по общему порядку принадлежали выборным от самого местного общества старостам, которым в этом отношении подлежали и сами землевладельцы наравне с крестьянами, даже живущими на их землях; патримониальная юрисдикция, или вотчинный суд и управа, во Пскове, кажется, вовсе не существовали, разве за весьма незначительными исключениями, по особым привилегиям, которые давались не иначе как по приговору общего псковского веча.

Рассказ второй. Люди в Псковской земле

Общий взгляд на псковское общество

Псков, как колония Новгорода, и притом такая колония, которая постоянно находилась в самых близких отношениях со своей метрополией, почти до половины XIV столетия, естественно, должен был усвоить все новгородские порядки, и он действительно их усвоил, но согласно с местными условиями общественной жизни дал им свой оттенок и, таким образом, значительно изменил их, соображаясь с местными условиями, сообщил им свой тип, который при видимом сходстве далеко не походил на тип новгородский. Такому важному изменению прежде всего способствовало то, что Псков был колонией Новгорода; следовательно, многое в устройстве, что в Новгороде складывалось и выделялось долгим опытом жизни общества, во Псков было принесено готовым, конечно, не совсем подходящим к местным условиям псковского общества, гораздо младшего сравнительно с новгородским обществом; и посему старое готовое устройство во многом должно было изменяться и прилаживаться к новому и первоначально незначительному обществу. По-

том, с другой стороны, новгородские порядки должны были во многом видоизменяться во Пскове, потому что Псков был поставлен в необходимость постоянно отбиваться от немирных соседей, будучи построен на самой границе; тогда как в этом отношении Новгород был поставлен совсем в другие условия, по крайней мере за то время, когда уже появился Псков, первоначально же, конечно, были те же условия и в Новгороде.

Все это заставило псковское общество сложиться иначе, нежели новгородское, хотя оно первоначально заимствовало у Новгорода и людей его, составлявших и самое общественное устройство, и долго находилось в постоянных и тесных сношениях с Новгородом. Самые элементы псковского общества были те же, которые были и в новгородском обществе, т. е. ильменские славяне, вышедшие из Новгорода, и туземные финские племена, жившие по Нарове, около Чудского озера и по реке Великой; даже взаимные отношения сих двух элементов, вообще смотря, были те же, как и в Новгороде, т. е. отношения пришельца колониста к туземцу старожилу. Но за колонистом псковичей стоял новгородец; отсюда, естественно, пскович действовал смелее и самонадеяннее, опираясь в случае нужды на новгородца, что действительно почти всегда и бывало, как свидетельствуют памятники; а с другой стороны, и туземный чудин-эстонец, сосед большого озера и моря, был смелее и напористее, нежели тот же финн, живший в средоземье. Об эстонцах, как мы уже упо-

минали, скандинавские саги прямо говорят, что это племя отличалось воинственностью и страшно было своими морскими разбоями и жестокостью. Следовательно, по местным обстоятельствам колонизация, доставшаяся на долю Пскова, по необходимости во многом разнилась против мирной колонизации новгородской. Волей-неволей война была постоянным уделом псковича и изборянина, и притом война мелкая, в которой каждый поселенец был в одно и то же время и земледельцем или торговцем, и воином, – северным казаком, человеком самостоятельным, твердым, неподатливым и тугим на покорность. А посему псковское общество, сложившееся по новгородскому образцу, хотя и признало у себя те же классы, которые были и в Новгороде, т. е. больших людей и меньших, – бояр, купцов и людинов, общинников, – тем не менее отношение и значение сих классов, по самому характеру людей, их составлявших, было совсем не таково, как в Новгороде.

Бояре

Первый класс в псковском обществе составляли бояре: но замечательно, в Псковских летописях бояр нигде не называют вящими передними людьми, большими людьми, хотя самое название бояр и сохранилось. Бояре псковские были одни и те же с новгородскими боярами. По тесной связи Пскова с Новгородом и по отношениям Пскова как пригорода к Новгороду как к метрополии, одни и те же фамилии были боярами и в Новгороде, и в Пскове и переходили из Новгорода в Псков и из Пскова в Новгород почти в продолжение всего первого периода псковской истории, т. е. в продолжение почти пятисот лет, известных истории. Так, например, Мирослав Гюрятинич, новгородский боярин, в 1126 году был выбран в новгородские посадники, а в 1132 году получил посадничество в Пскове и в 1134 году опять был выбран посадником в Новгороде. Или: в 1176 году новгородские бояре Никита Захарьинич и Станимир Иваниц со многими товарищами участвовали в войне псковичей с Чудью и были убиты в сражении под стенами Пскова. Или: в 1228 году новгородские бояре Борис Негоцевич, Петр Водовикович и другие противники князя Ярослава Всеволодовича удалились во Псков и оттуда начали войну с Ярославом; и когда Ярослав стал звать новгородцев на эту войну, то Новгород на это не согласился, и Ярослав должен был воротить свои

войска, приведенные из Переяславля. Таковая близкая связь новгородских и псковских бояр, естественно, должна была сообщить большую силу и значение классу псковских бояр. И действительно, история свидетельствует, что бояре во Пскове первоначально имели большую силу; их связи, влияние и богатство делали их могущественными вождями общества; они нередко скопляли около себя значительные дружины охотников, поступавших на их содержание, а иногда увлекали за собою ту или другую часть общества, или по своей воле поднимали тот или другой пригород. Так, например, псковский боярин Иван Дорогомилович в 1265 году привел свою дружину князю Довмонту в помощь против немцев. Или: в 1331 году псковские бояре Филипп Ледович и Олферий Селкович подняли поречан и условились с островичами идти на летголу; или в том же году боярин Карп Данилович Калека водил охочую дружину псковской молодежи на Нарову против немцев; а другой боярин Володша Строилович поднял за собою псковичей на немцев, воевавших по псковскому рубежу, и потом с другим боярином Ильей Борисовичем защищал Изборск. Или: в 1368 году боярин Селило Скертовский собрал охотников и ходил к немецкому городу Кирьипиге. Мало этого, псковские бояре, действуя заодно со своими сторонниками – новгородскими боярами, преследуя свои фамильные интересы, распоряжались силами псковичей по своему усмотрению, ссорили и мирили Псков с князьями и употребляли псковичей для поддержки своих при-

ателей, новгородских бояр. Так, в 1137 году псковские бояре, по согласию с одною партией бояр новгородских, подняли весь Псков в пользу князя Всеволода Мстиславича, изгнанного новгородцами, и впустили было псковичей в войну с Новгородцами, вызвали во Псков Всеволода; но Всеволод в том же году скончался и, таким образом, междоусобная война Пскова с Новгородом прекратилась сама собою. Или: в 1228 году псковские бояре, поддерживая партию новгородских бояр, недовольных князем новгородским Ярославом Всеволодовичем, втянули Псков в войну с Ярославом и в противонародный союз с ливонскими немцами, которые при помощи тех же изменников, псковских и новгородских бояр, даже на время успели ввести свой гарнизон в самый Псков и передать власть над городом своему союзнику – новгородскому боярину Твердиславу Иванковичу. Эта последняя проделка псковских бояр-верховодов, действовавших заодно с партией таких же верховодов – новгородских бояр, наконец образумила псковичей, и когда в 1242 году князь Александр Ярославич Невский выгнал немцев и новгородских и псковских бояр изменников, то псковское вече стало иначе смотреть на своих бояр и хотя не лишило их прав службы господину Пскову, но уже более не признавало их своими безусловными руководителями, а напротив, службу их обществу подвергло строгому своему контролю и во все последующее время уже стало держать их в строгой зависимости.

После 1242 года псковские бояре, как лучшие люди, по-

прежнему пользовались большим уважением от народа и были передовыми людьми псковских общин, представителями своих концов, улиц и пригородов и посему избирались во все важные общественные должности: в должности посадников, сотских, судей, губских старост, воевод и посланников от Пскова. Так, под 1426 годом летопись говорит: и псковичи послаша к Витовту своих послов – посадника Федоса Фефиловича и посадника Якима Павловича и иных бояр и взяша мир с Витовтом. Или под 1460 годом: «Послаша псковичи послов своих в Великий Новгород Юрья посадника Тимофеевича, Максима Ларивоновича и бояр из всех концов». Или под 1463 годом: «И даша на вече воеводство Максиму посаднику Ларивоновичу и Алексею Васильевичу и Игнатию Логиновичу, и совокупившеся псковичи с пригорожаны, и поидоша к Городку». Псковские бояре вместе с посадником и другими выборными властями даже имели право отменять законы; так, под 1472 годом читаем в летописи: «Во Пскове посадник псковский Афанасий Юрьевич и бояре псковские и сотские и судьи, тогды же и льяну грамоту подраша, вынемше из даря; и бысть всем христианом радость велия с восьми бо год она была в ларе, да много христианом истомы и убытков в то время было». Все это, по-видимому, нисколько не изменяло положения бояр против прежнего времени; по-видимому, и после 1242 года вся общественная власть находилась в их руках; но так было только по-видимому, на деле же после 1242 года Псков год от года все более приоб-

ретал характер чисто демократической республики, и первоначальные аристократические начала, принесенные из Новгорода, год от года теряли свое значение и вся власть постепенно сосредоточивалась в вече, на котором были равны и бояре, и купцы, и черные люди.

Псковичи, не менее новгородцев предприимчивые в торговле и других промыслах, но гораздо более новгородцев вышколенные непрерывной борьбой то с чудью, то с немцами, то с литвою, выработали себе характер неуступчивый и неподатливый на покорность; а опыт прежнего времени, когда псковские бояре, действуя заодно с одной партией новгородских бояр, чуть не передали Псков немцам, так врезался в памяти псковского веча, что оно в продолжение всего последующего времени строго и постоянно смотрело, чтобы какая-нибудь власть не затеяла подчинить своему влиянию власть веча. А посему как ни велика была, по-видимому, власть псковских бояр и после 1242 года, но вся эта власть состояла почти исключительно в исполнении приговоров веча, и бояре, по-видимому, могущественные и всесильные, в сущности были только покорными слугами веча. И чем более бояре имели видимых средств подавить остальных граждан, и чем долее жил Псков, тем осторожнее вело себя вече и тем более со своей стороны принимало средств, которые развивали его власть и стесняли значение бояр. И одно из действительнейших средств в этом деле состояло в том, что вече по возможности старалось уклоняться от единичных властей,

и функции той или другой власти делить между несколькими выборными лицами или окружать ту или другую власть разными помощниками, назначаемыми вечем; и таковой порядок постепенно развивался, по мере того как Псков постепенно отдалялся от тесных связей с Новгородом и заявлял свои права на самостоятельность. Так, единичную власть степенного посадника, сперва присылаемого из Новгорода, а потом обратившегося в выборного сановника, назначаемого самим псковским вечем, псковичи сперва старались ограничить допущением старых посадников участвовать в деятельности степенного посадника, а потом по мере возможности стали выбирать зараз по два степенных посадника; впрочем, эта последняя мера относительно посадничей власти употреблялась непостоянно. Но зато все остальные власти, кроме княжеской, с постепенным развитием самостоятельности Пскова окончательно перестали быть единичными и делились по крайней мере между двумя лицами; например, судьи и старосты постоянно выбирались и отправляли свою должность по двое, а сотских постоянно было по нескольку; тысяцкого же, этой важной единичной власти, вовсе не было в среде сановников, избираемых псковским вечем. Потом, важным средством к ослаблению бояр, избираемых представлять ту или другую власть, служил заведенный во Пскове порядок, до которому важнейшие дела не иначе могли быть решаемы, как при участии нескольких властей, хотя бы и без представления вечу. Так, например, в 1472 году, при отме-

не льянной грамоты участвовали посадник, сотские, судьи и бояре; также поступали и при издании того или другого закона, например, в 1485 году грамота о правах смердов была написана и положена в ларь Св. Троицы князем и всеми степенными и старыми посадниками. Наконец, самым грозным средством против своеволия бояр было право народного веча отменять все неудобные ему распоряжения других властей и право веча казнить виновников неудобных распоряжений; так, например, в 1458 году вече не только отменило введенную прежними посадниками хлебную меру, невыгодную в торговле, но и тут же на вече избило тех посадников, которые ее ввели. Или в 1484 году вече не только отменило грамоту о смердах, изданную посадниками Степаном Максимовичем и Леонтием Тимофеевичем со товарищи, но и приказало разорить дома сих посадников, а на самих их, успевших убежать в Москву, положило в ларь Св. Троицы мертвую грамоту, т. е. осудило на смерть и лишило покровительства законов. При помощи таких средств псковское вече, не лишая бояр прав первенствующего сословия и предоставляя им все права выборной власти, в то же время положило этой власти определенные границы, в которых она не только не была опасна вечу, но и не могла быть ни чем иным, как покорным исполнителем велений веча. И посему бояре, при всем их большом значении в обществе, вполне зависели от веча и несли все общественные тягости наравне с другими классами и в этом отношении не пользовались никакими

привилегиями. Так, например, в 1471 году, при постройке новой стены на Полонище в разруб или в раскладку запасов и казны на этот предмет были помещены и посадники, и великие бояре наравне с другими гражданами; летопись прямо говорит: «А всем Псковом начата по всем концам рубиться, изкрепка, а посадников и бояр великих на вече всем Псковом начата обрубати доспехи и коньми». По этому известию в разруб или в раскладку повинностей были помещены или оценены самим вечем не только недвижимые имущества посадников и бояр, но их оружие и кони. Ближайшим следствием таковых порядков было то, что с 1242 года летописи уже не упоминают ни о каких боярских партиях во Пскове или о разделении псковского веча происками бояр-верховодов; тогда как летописи Новгорода переполнены известиями о борьбе боярских партий и о разных незаконных вечах, иногда даже одерживавших верх над вечем законным.

Основною значения и могущества бояр во Пскове, так же как и в Новгороде, была частная поземельная собственность; она главным образом сообщала боярам ту силу и могущество, которое ставило их выше других классов общества, не имевших частной поземельной собственности, а владевших общинной землею; но и здесь псковские бояре значительно уступали новгородским. С одной стороны, между псковскими боярами не было таких богатых землевладельцев, какими были бояре новгородские, владевшие необозримыми землями в Заволочье. Еще в прежнее время, когда Псков

вместе с Новгородом имел значительные колонии в землях чуди и летголы, псковские бояре могли тягаться своими поземельными владениями с новгородскими владельцами в Заволочье; но с постепенным распространением владений немецкого Ливонского ордена в этом краю тамошние владения псковских бояр постепенно стали уменьшаться и в 1284 году дошли до нуля. И таким образом, частная поземельная собственность псковских бояр должна была ограничиться только псковской землей, которая была слишком невелика, и притом далеко не вся принадлежала боярам, а, напротив, в большей своей половине была разделена между общинами и мелкими поземельными собственниками, не принадлежавшими к классу бояр. Между псковичами был даже обычай, утвержденный законом, по которому даже люди небогатые составляли между собой компании и под именем сябров, или пайщиков, покупали на общий сборный капитал землю, а купивши, делили между собою по долям в полную собственность. В повести о псковском Печерском монастыре рассказывается следующий случай: жители окрестных селений близ Печерской горы сговорились между собою купить гору и лес около горы и, купив ее, разделили между собою купленную землю; и на этом дележе местность, где была древняя пещера, по жребию досталась одному из них, по имени Ивану Дементьеву, который и поселился там в подгорье, у речки Пачковки, близ пещеры. Потом, в 1473 году, тот же Иван Дементьев пожертвовал часть своей доли по ру-

чей Какенец на устройство церкви и монастыря. Из этого рассказа видно, что сельчане купили землю в складчину в качестве сябров и поделили ее на доли в полную собственность; так, один из сябров, Иван Дементьев, часть своей доли пожертвовал на устройство церкви и монастыря, как полную собственность, не спрашивая на то согласия у других своих сябров, что, конечно, он не мог бы сделать, если бы земля эта составляла общинное владение. Таковая мелкая поземельная собственность, легко приобретаемая в складчину, естественно, должна была сильно конкурировать с крупной боярской поземельной собственностью, а с тем вместе невыгодно влиять на значение бояр, как в местном обществе, так и во всей Псковской земле; ибо мелкие поземельные собственники из черных людей, естественно, были более свободны и самостоятельны, нежели безземельные крестьяне, живущие по взаимным условиям на землях крупных землевладельцев-бояр и, следовательно, более или менее зависевшие от них, как полных хозяев земли; к тому же псковские законы явно склонялись в пользу мелкой поземельной собственности против крупной, и особенно в пользу обработки земли, против владения землею без обработки. По псковским законам, кто владел землею четыре или пять лет спокойно и выстроил на ней двор и распахал пашню, на того прежний владелец той же земли уже не может предъявлять своего земельного иска, ежели четверо или пять человек соседей подтвердят, что тот владеет землею четыре или пять

лет спокойно. В судной псковской грамоте сказано: «А коли будет с кем суд о земли о польной или о воде; а будет на той земли двор или нивы розстрадни, а стражет и владеет тою землею лет 4 или 5; а потому исцю слатися на Сосед, человек на 4 или на 5. А суседи став, на конх шлются, да скажут как прав пред Богом, что чисть; и то, человек который послался, стражет и владеет тою землею лет 4 или 5; а супротивник в те лета ни его судил, ни на землю насту палея, или на воду; ино земля его чиста или вода, и целованья ему нет. А тако не доискался, кто не судил ни насту палея в да лета, а о лешей земли будет суд», т. е. пятилетняя или четырехлетняя давность не уничтожала права на землю необработанную. При таком законе предприимчивые мелкие поземельные собственники легко могли захватывать участки у крупных поземельных владельцев, ежели они заняты другими делами четыре или пять лет, и не обращали надлежащего внимания на завладение, не начинали исков.

С другой стороны, самая форма владения землей и отношения крестьян к владельцам земли и к обществу во Пскове не давали псковским боярам того высокого значения, каким пользовались новгородские бояре, по тамошним формам владения землей и по отношениям крестьян к владельцу земли и обществу. По псковским порядкам боярин или сам обрабатывал свою землю наемными работниками, наймитами, или самую землю отдавал в наймы охочим людям, на взаимных условиях, по частному договору, с записью или

без записи. Нанимателей земли или жильцов псковский закон постоянно старался ставить сколько можно в более независимое положение от владельцев земли или давать им права равных друг другу договаривающихся сторон и не допускал права вотчинного суда землевладельца над жильцами, живущими на его земле. Но, конечно, при всем старании закона не могло быть равенства между бедным жильцом и богатым землевладельцем, и первый почти находился под большим или меньшим влиянием второго; и посему демократически Псков, чтобы не дать перевеса на вече боярам при подаче голосов смердами или жильцами, живущими на их земле и, следовательно, находящимися под их влиянием, постоянно держался того правила, чтобы не допускать смердов к общественным делам и к подаче голосов на вече, и за это правило особенно крепко держались черные люди, постоянно бывшие настороже и опасавшиеся, чтобы бояре каким-нибудь образом не получили большинства на вече. При таковых порядках, естественно, псковский боярин не мог вести на вече толпу своих полузависимых клиентов, как это делал нередко боярин новгородский; и посему на псковском вече бояре всегда оставались в меньшинстве или, по крайней мере, не могли проводить законов в ущерб демократическим началам псковского общества.

Купцы

Купцы во Пскове, так же как и в Новгороде, составляли отдельный класс общества, занимавший второе место после бояр и имевший свой суд и управу и свое отдельное самостоятельное устройство. Этот класс принимал деятельное участие в общественных делах и пользовался большим значением в обществе, ибо Псков подобно Новгороду был по преимуществу торговым городом. Общественное устройство купечества во Пскове, происшедшее от купечества новгородского, было одинаково с новгородским; т. е. купцы составляли общины, и только тот считался настоящим пошлым купцом, кто был членом какой-либо купеческой общины, кто вложил в нее известный капитал, хотя торговать мог всякий и не вложившийся в купеческую общину. Сколько было купеческих общин во Пскове — мы не знаем; по памятникам встречаются только некоторые общины, например, суконников, кожевников, мясников. Каждая купеческая община имела своих выборных, по общему псковскому порядку, не менее двух, которые судили и рядили членов своей общины и заведовали общинными капиталами, впрочем, не иначе как с согласия всех членов своей общины, имевших для того свои собрания или сходки. Кроме старост по отдельным общинам еще выбирались по два старосты от всего купечества. Так, в летописи под 1415 годом читаем: купцы псков-

ские разбили старую церковь Св. Софии и начали делать новую, и в том же году мастер Еремей совершил новую церковь каменную с благословения священника Ивана Халиловича и повелением купецких старост Андрея Тимофеевича, Осея и всех купцов. А ежели были выборные старосты от всего купечества, следовательно, были общие купеческие собрания, или веча, независимые от веча целого города всех классов, и на этих купеческих вечах разбирались и решались дела, относящиеся до всего псковского купечества. Таковое учреждение общего купеческого собрания, или веча, со своими старостами резко отличало псковское купечество от купечества новгородского, не имевшего подобного учреждения и в целом своем составе поставленного в зависимость от тысяцкого.

Имея общее купеческое собрание, или вече, псковское купечество тем самым пользовалось не только большей самостоятельностью против новгородского купечества, но и в самом Пскове имело сильный перевес над боярами и над черными людьми; ибо оно являлось на общенародное вече, всегда наперед уговорившись и уладившись на своем общем купеческом веча; тогда как ни бояре ни черные люди не имели таких законом определенных предварительных собраний и, следовательно, являлись на общенародное вече не столько готовыми, как купцы. К тому же во Пскове, как преимущественно торговом в городе, купцы должны были иметь и действительно имели гораздо больше влияния на черных лю-

дей, чем бояре, которых влиянию сильно вредили мелкие самостоятельные землевладельцы и показанные выше законные ограничения крупных землевладельцев. Все это ставило псковских купцов в такое положение, что они по официальным бумагам хотя считались вторым классом общества, как, например, митрополит Иона в своей грамоте в Псков писал: «Всему священству, боярам и купцам и житым людям»; но, в сущности, на деле по своему влиянию на псковское общество купцы были сильнейшим и первенствующим классом: они, собственно, руководили вечем, бояре же хотя и пользовались большим уважением и имели большой вес в обществе, но были поставлены обстоятельствами в такое положение, что, в сущности, были не руководителями веча, а только беспрекословными исполнителями его определений. Лучшим доказательством такового положения купцов в Пскове служат все псковские порядки, направленные исключительно к тому, чтобы ограничить влияние и значение бояр и утвердить значение и силу общенародного веча, на котором передовым и лучше организованным классом являлись купцы. О том же положении псковских купцов свидетельствуют все дошедшие до нас договорные грамоты Пскова с соседними государями, в которых постоянно встречаем заботу Псковичей о торговых выгодах. Так, в договорной грамоте между Псковом и Казимиром Литовским, писанной в 1440 году, первым и главным условием было то, чтобы «как литовским послам и гостям, так и псковским послам и гостям

был чист путь чрез всю литовскую и псковскую землю, и свободно торговать без пакости по старой пошлине, как в литовской, так и в псковской земле; и чтобы как в Литве блюсти и охранять псковитина наравне с литвином, так и во Пскове блюсти и охранять литвина наравне с псковитином. А вчинится пеня гостю в Литве псковскому, кончать по великого князя правде и по целованию; а вчинится пеня литвину во Пскове, кончати по псковской правде и по целованию». То же почти повторяется, с некоторыми прибавлениями, в перемирной грамоте Новгорода и Пскова с Дерптом, писанной в 1474 году: «А псковскому послу и гостю по Юрьевской (Дерптской) земле путь чист, горою и водою, на Юрьев и на Ригу, и к Колывани и на Руго диво, и на матерую реку, и на в си Юрьевские гор оды, и во всю Юрьевскую землю добровольно ездити со всяким товаром, по старине, и всякий товар псковичом на розницу продавати добровольно, или вместе (оптом); на Юрьеве псковичом добровольно всяким товаром торговати с Рижаны, с Колыванцы и с Ругодивцы, со всяким гостем, по старине, по крестному целованью; и колоду (заставу таможенную) на обе стороны отложихом, и гостинца (пошлин на заставе) от того не имати. И во Пскове юрьевскому гостю всяким товаром торговати добровольно по старине, а корчу мою пивом немецкому гостю во Пскове не торговати; а опрочь карзмы и пива всякий товар ко Пскову добровольно возити, по старине, на обе стороны». Жалобы или неудовольствия Пскова к соседним государям посылались также

преимущественно по торговым делам; так, например, в речах псковского посольства к королю Казимиру (1480 года) сказано: «Первое о обидах, што наши купцы Микифорко... заехал у Луцкой торгом, и воевода луцкий того Микифорка орабил, товару много; и ты бы, господине, честный король, тому делу управу дал по крестному целованию; а отчина великих князей тебе, своему господину, посадники псковские, и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи и бояре, и соцкие, и купцы, и житьи люди, и весь Псков челом бьет. А иное жалуемся тебе, своему господину, што по твоей державе, по городом воеводы и мещане нашим псковичам купцом с немцы торговати не дадут: инобы, господине честный и великий король твои воеводы и наместники нашим купцам по твоим городом не боронили торговать с немцы и со всяким гостем по мирному dokonчанию и по крестному целованию». Даже большая часть войн Пскова с соседями начиналась из-за обиды псковских купцов. Например, в 1323 году, когда немцы избили псковских гостей на Чудском озере и ловцов на Нарове, то за это псковичи ворвались в Ливонию и опустошили ее до Колывани. Или когда в 1403 году великий князь смоленский Юрий, при изгнании из Смоленска Витовтовых наместников, захватил псковских гостей, торговавших в Смоленске, то по этому случаю Псков и Новгород отправили к нему своих послов, которые принудили Юрия отпустить захваченных псковских гостей. Или: в 1501 году, когда немцы задержали в Дерпте 25 учанов с

товаром и полтора́ста человек псковских купцов, то псковичи, не получив надлежащего от немцев удовлетворения чрез посольства, начали с немцами войну, которая продолжалась несколько лет.

Черные люди

Черные люди во Пскове были в ином положении, нежели в Новгороде; они находились в меньшей зависимости от больших людей, или от бояр, как потому, что бояре в Пскове не имели таких огромных поземельных владений, как бояре новгородские, так и потому, что Псков по самому устройству своему был не на стороне бояр — крупных землевладельцев, а напротив, более покровительствовал мелкой поземельной собственности, вследствие чего черные, или меньшие, люди в Пскове пользовались большей независимостью и самостоятельностью, нежели какую самостоятельность имели меньшие люди в Новгороде. К тому же постоянная и упорная борьба с чудью, летголою и литвою и потом с немцами, лежавшая одинаково и на больших, и на меньших людях во Пскове, естественно, равняла их между собою и делала меньших людей более твердыми и самостоятельными. Конечно, и во Пскове какой-либо предприимчивый и храбрый боярин мог скопить около себя охочих людей и повести на какое-либо военное предприятие; но охочие люди во Пскове были далеко не то, что повольники в Новгороде: они не были ратниками своего предводителя, и по самому ходу дел в псковской истории скоплялись около большого человека только для воинских набегов на немирных соседей или для отражения соседских нападений, а не для колонизации, как это

было в Новгороде, с конца XIII столетия псковичам нечего было и думать о колонизации. Следовательно, предводитель охочих людей во Пскове не мог им дать захваченной земли под поселение и привлечь их к себе разными ссудами на обзаведение хозяйством; они шли за ним только для того, чтобы понажиться тем, что успеют наgrabить в неприятельской земле. Между тем купцы, старавшиеся удержать первенство и силу за своим классом против бояр, первоначально, как мы уже видели, действовавших заодно с боярами новгородскими, естественно, должны были ближе соединиться с черными, или меньшими, людьми и заодно действовать на общем вече. Первоначальная тесная связь псковских бояр с новгородскими боярами, передавшая было Псков немцам, породила теснейшую связь купцов с черными людьми и, кажется, более всего способствовала той независимости и самостоятельности, которою пользовались во Пскове черные люди; по всему вероятно, ей обязан был своим существованием и закон, покровительствующий мелкому землевладению и порядку сябренного приобретения земель в полную отдельную собственность сябров.

Все это поставило черных, или меньших, людей во Пскове в такое положение, что они на вече были большими людьми, т. е. всегда оказывались в большинстве перед большими людьми и не пропускали ни одного закона, который вредил бы их значению или давал перевес большим людям. Имея главную опору в общенародном вече и чувствуя себя силь-

ными, особенно на вече, черные люди, естественно, интерес веча считали своим собственным интересом и поэтому заботились, чтобы права веча были неприкосновенными и чтобы вече было действительной силой в управлении Псковом, чтобы партии верховодов-затейщиков не нарушали его спокойной и правильной длительности. Дорожа неприкосновенностью прав веча, черные люди заодно с купцами крепко держались раз принятых порядков и не дробились на партии, зная из опыта в Новгороде, что при разделении на партии меньшие люди более всего терпят от больших людей, делаясь их орудием. От этого история Пскова за все время его самостоятельности не представляет борьбы партий, там вече никогда не делилось и не было незаконных веч. Меньшие люди, сильные на вече, на вече же и управлялись с большими людьми, когда это находили нужным. Так, под 1458 годом читаем в летописи: «Псковичи недовольные распоряжением прежних посадников, убавивших торговую меру, по определению веча прибавили забницы (т. е. увеличили меру) и палицу привесили к позобенью, а старых посадников избili на вече». Конечно, здесь под именем псковичей главным образом должно разуметь купцов и черных людей, до которых преимущественно касалось дело о торговой мере. Или: в 1483 году также вечем посекли дворы у старых посадников и у некоторых бояр. Но всего яснее высказалась неуступчивость и настойчивость меньших, или черных, людей на вече перед большими в деле о смердах, бывшем в 1485 году.

Посадники вместе с большими людьми и князем наместником, по всему вероятно, желая усилить себя на вече против меньших людей, придумали дать политические права смердам и таким образом провести их в члены веча; с этой целью они составили новую уставную грамоту о правах смердов и для сообщения ей законодательной силы внесли ее в ларь Св. Троицы и записали в тамошние книги, или реестры законов; и все это сделали, не доложив «господину Пскову». Черные, или меньшие, люди, как скоро узнали об этой новости, затеянной большими людьми, то на первом же вече решили: явившихся в Псков смердов засадить в погреб за сторожи, посадника Гаврилу убили всем Псковом на вече, а на трех посадников, бежавших в Москву, написали мертвую грамоту (смертный приговор) и положили ее в ларь Св. Троицы, имение же их опечатали. А так как в это дело был замешан псковский князь Ярослав, наместник великого князя Московского Ивана Васильевича, может быть, действовавший по приказу сего последнего, то псковское вече силой заставило четырех посадников и по боярину от концов отправиться посольством в Москву и просить великого князя, чтобы держал Псков по старине и не признавал вновь составленной уставной грамоты о смердах. И когда великий князь, желая поддержать своего наместника и больших людей, отвечал, что «посольство пришло бездельно, и что он тогда только будет жаловать Псков попригожу, когда вече выймет из ларя Св. Троицы мертвую грамоту на посадников и пришлет ее

в Москву, а смердов отпустит и животы их отпечатает», то черные люди, получив на вече таковой ответ великого князя, не поверили своему посольству и снарядили новое посольство из больших людей. А когда и новое посольство принесло такой же ответ великого князя вече, тогда между большими и меньшими людьми началась брань и мятеж на вече, и меньшие люди, обвинив приехавших послов в заговоре и понарошке бежавшим в Москву посадникам, снарядили двух послов из своей братии из молодых людей бить челом, чтобы великий князь сказал свою волю о смердах и бежавших в Москву посадниках. Дело о смердах тянулось целых два года по настоянию черных, или меньших, людей; по этому делу было отправлено в Москву пять посольств и потрачено до тысячи рублей сборных общественных денег. И конечно, черные люди одержали бы в этом важном для них деле окончательный верх над боярами, если бы великий князь Московский не принял под свою защиту бояр. Спор о смердах, по всему вероятию, и был возбужден самим великим князем, который думал покончить с Псковом, поддерживая бояр, как он покончил с Новгородом, поддерживая меньших людей против бояр. И черные люди, очевидно, хорошо понимали значение этого важного для них спора и хотя должны были уступить непреклонной воле такого государя, как великий князь Иван Васильевич III, но тем не менее своей настойчивостью и продолжительностью спора ясно доказали большим людям, что они могут действовать против них

только посторонней помощью и постыдной изменой отечеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.